
Андрей БЕЛОЗЁРОВ

ГРУСТНОЕ ВОЛШЕБСТВО

С Андреем Белозёровым из города Абакана мы познакомились в самом конце 90-х в общежитии Литературного института. Я учился курсе на третьем, а он только поступил; я был рад встретить земляка. (В Лит тогда и немного позже влилась настоящая волна абаканцев: Олег Шолин, Сергей Чередниченко, Полина Кондаурова, Дарья Верясова...)

Институт Андрей, к сожалению, не окончил: некоторым преподавателям казалось, что, например, без знания латинского языка человека в писательство выпускать никак нельзя, — а без зачета или сданного экзамена студента рано или поздно отчисляют.

Я встречал прозу Андрея Белозёрова в абаканских изданиях. Запомнилась его повесть «Люди до востребования». Потом встречать перестал — говорили, что бросил писать. Оказалось, не навсегда. Может, и не бросал, а просто перестал публиковать написанное.

Уже несколько лет, как новые рассказы Андрея снова появились в журналах, в еженедельнике «Литературная газета». Это, по-моему, отличная, сильная проза. Вот, например, начало рассказа «Наташин день»:

«Квартира была на первом этаже — ближе к земле-матушке. Песок мело от вечных новостроек напротив — он ввинчивался в щели и ложился на подоконники ровным слоем. В окнах завсегда недостаток света — решетки его скрадывали, и кусты на газоне, и нависший неподъемной хмурой бровью балкон, что на втором. И вязкий полумрак, словно пыльные застиранные тряпки, развесился по комнатам. Всякая вещь здесь по-особенному быстро ветшала. Ветшала, и ежели рвалась, то рвалась не по шву, а где-то посередине, распадаясь на нити и выпуская клубочки пыли из разрушенных волокон ткани».

Андрей Белозёров не последователь натурализма, а, по моему мнению, самый настоящий реалист. Может быть, кому-то это утверждение покажется странным после прочтения маленькой повести «Москвы нет», но ведь это вполне реалистическое произведение.

У большинства жителей мегаполисов существуют два мифа о провинции. Первый: там все пьют и убивают друг друга, а особенно — приезжих; второй: провинция — это место, где еще сохраняются традиции, совесть, духовность. Отчасти оба мифа справедливы, и порой в одном человеке уживается агрессивный алкоголик и совестливый человек. Ну и об этом очень много пишут.

Андрей Белозёров родился в Абакане. Публиковался в журналах «Абакан литературный» (Абакан), «Наш современник» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Урал» (Екатеринбург), «Флорида» (Майями), «Бельские просторы» (Уфа), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск). В «Литературной газете» (Москва). В сборниках «Новые писатели» (фонд СЭИП, Москва), «Перовестник» (фонд Астафьева, Красноярск) и др. Участник 6-го и 7-го Форумов молодых писателей России в Липках. Лауреат литературной премии им. В. П. Астафьева по прозе (2011). Издано две книги повестей и рассказов «Пост номер один» и «Люди до востребования». С 2014 года член Союза писателей России.

А вот о провинциальной тоске, провинциальном томлении — мало и редко. И кажется, о них как раз повесть «Москвы нет». И все *грустное волшебство* — видения и ощущения героини.

Когда я читал эту повесть, мне казалось, что я знаю тех людей, из которых создана автором героиня, я видел Абакан, по которому она гуляет, представляя Москву. Я заразился ее тоской и томлением, будто сам надолго увяз в далекой провинции — милой и дорогой, если живешь там по месяцу-два, и невыносимой, как тюремная камера, если находишься там долго и не можешь выбрать себе занятие по душе, создать свой крепкий и яркий мир, найти не столько друзей, сколько товарищей по общему делу... Героиня повести из ненашедших...

Ладно, не буду пугать. Прочитайте напечатанные ниже повесть и рассказ Андрея Белозёрова. Надеюсь, вы согласитесь, что писатель он замечательный. Хотя и невеселый.

Роман СЕНЧИН

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ

Рассказ

Надо было работать. Чтобы родители перестали укорять каждый раз, когда выдают большую сумму для поездки на сессию. Лера не любила работать, вернее, брезговала тем кругом вакансий, который ей предлагался. Когда ты умен и красив и видишь, как некоторые менее умные и менее красивые одноклассники расползаются по Европе или престолонаследуют мягкие кресла в папином офисе за штуку баксов в месяц — волей-неволей начинаешь копать в списке, который предложило тебе бюро трудоустройства.

Тэкс, ведем пальчиком по бумажке: мойщик посуды, на три сезона, лагерь «Светлячок», санкнижка, без вредных привычек, зарплата полторы тысячи, питание и проживание за счет лагеря; лепщик пельменей, пельменная на Советской, санкнижка...

От чтения такого вставали перед ее глазами бесконечные погонные метры пельменей и грязной посуды, и Лера лишь пожимала плечами, не зная, как понять, зачем бы молодой девице, у которой неведомая и полная чудес жизнь только еще брезжит и манит, зачем бы ей оказаться в подобной пельменной и отсчитывать каждую секунду своего проживания, каждую заработанную малую копеечку — пельменем, и только пельменем, лихо завернутым, вот этими вот пальчиками защипнутым, пузатым и веселящимся над тобой. А такие девицы были и вполне отсчитывали: пельмени, тарелки, мелочь в душном ларьке, извлекались из бездны и добровольно в бездну сходили. Кто они? Зачем так задаром? Лера пожимала плечами.

Вот и сейчас, она едет в маршрутке, а кондуктор — тонкая девочка, носик-черточка, большие глаза — хлоп-хлоп, от кожи свет исходит. Такие по подиуму дефилируют, да и те, что похуже гораздо, все равно дефилируют, а она почему-то здесь. Медленная. Не идет, по автобусу, а словно бродит потерянно. Встала над новым пассажиром, и пока тот двигает плечами, уходя едва ли не по локоть в карманы в поисках денег, смотрит она взглядом тягучим, медленным в сторону. Потом к Лере. Горсть мелочи на сдачу, рука сухая и теплая, на пальцах трещинки, в трещинках денежная чернота. Добрела до кондукторского места, взяла книгу. Обложка: «Счастье на крови», цвет у надписи, естественно, кровавый. Это что получается? Выпускать из себя ленты синих и красных билетиков, бренчать мелочью, раздражаться на пассажира, который пятисотку подал, и ты ему сдаешь, выворачиваешь потроха сумки-пояса до последней бумажонки, гонять блеванувшего на заднем сиденье алкаша — да и как его гонять,

когда ты тягуче и в сторону, а тут надо преобразиться, на матюгах его потаскать, тряпку в морду сунуть, чтоб вытирал, а потом, улучив свободную минуту, читать женский детектив, который писала шестидесятилетняя тетка для таких же теток. Как этими глазками — хлоп-хлоп — и в такую книгу. Самоубийство?! Остановка, новые пассажиры, кондуктор нехотя закрывает роман.

Конечно, Лера пыталась. Снизошла, приоткрыла завесу странного их мира. Пробовалась в круглосуточном цветочном киоске. Но зимой там холодно, а обогревателем злоупотреблять нельзя: цветы сохнут. Ночью страшно, кругом стекло, туалет в полторашке из-под пива. Посидела, постажировалась... Зимой холодно, ночью страшно, а главное, обидно: стекло это, цветные огни ночного города в нем играют, всеми цветами радуги переливаются, как в новогодней сказке, молодежь резвится, развеселые парни с огоньком алкоголя и ночных фонарей в глазах к тебе в окошко головы просовывают, цветы покупают — но не тебе. А каким-то им, им, им! Которым нет нужды торчать по ларькам. Лера ночь пересидела с продавщицей на пару и больше в ларек не вернулась. А продавщица осталась...

Пробовалась еще в продуктовом магазине, тоже не сахар: с девяти утра до одиннадцати вечера толкись за прилавком. Ой, девушка, мне бы сметаны, ой, а поменьше упаковка есть? Ой, а тут двадцатипроцентная жирность? Вот уже и сбежал три раза до холодильника, открыл и закрыл его по три раза. А пока какая-нибудь привередливая старушка авоську свою наполнит, это сколько надо сбежать?

Еще поставили Леру сыр-косичку резать, взвешивать, паковать в пленку и цену лепить... Выдали ей метровую тяжелую сырную змею. Нарезала, взвесила. Все у нее по пять да по семь рублей обрубки получились. Пожала плечами Лера — косичка какая дешевая, не видела она такого ни в магазинах, ни в ларьках. Хотя пиво иногда в охотку пьет и косичку любит. Но что поделаешь — коммунизм в отдельно взятом магазине наступил, пожала еще раз плечами, все запаковала и цену нашлепала.

Через пять минут завмаг:

— Ты что же делаешь? Тебя кто так научил?

Лера:

— А что?

Завмаг:

— Где ручка?

Взяла завмаг один из готовых обрубков и единичку на ценнике дописала: было пять, стало пятнадцать, сошелся дебет с кредитом, кончился коммунизм, вернулась на свое место небесная арифметика.

— Вот, и так везде поправь. А ты куда смотришь? — это уже не Лере, а девушке, которая Леру стажирует.

— Я че-то самое главное и забыла.

Девушка симпатичная вроде и добрая, потешный зелено-белый форменный колпак, но улыбнулась виновато, и оказалось, что передних зубов у нее нет и вместо них чернота. Так и открылось Лере беззубо-зловещее великое таинство сыра-косички и коллективного разума всех продавцов, которые где бы ни были, но по наитию или, может, по какому мировому продавцовскому сговору дописывали эту единичку...

Но Лера и из магазина укатилась колбаской — гадко, несправедливо быть там... Да-да, отвратительно пред лицом породившей тебя величественной вселенной бросать свое тело и душу на прокорм жаркому помещению с дурными запахами из слабеньких холодильников, соваться в удавку из сыра-косички, отдаться вредным старухам, скупым, вечно хитрящим предпринимателям-работодателям, перед которы-

ми никакой душой и никакими понтами ничего не выходишь, ибо за твоей спиной всегда очередь из более покладистого мяса. Им нужны рабы, нужны вечное ощущение вины за время от времени возникающие недостатки и регулярная благодарность за денежную подачку. Им нужна ты без остатка. Дьявол вон души скупает за разные богатства, за исполнение заветных желаний, за счастливую жизнь, а предприниматель, хрен, он хуже дьявола, он тебя лопаает за так, а потом еще — гляди в оба — и приплатить заставит. Совершенно это «за так» Лере претило и сейчас, видя кондукторшу, похожую на тоненький лучик, пробившийся через приоткрытый вентиляционный люк в крыше маршрутки, видя жуткую старушачью книгу, жадно впитывающую ее свет, преисполнилась Лера брезгливой жалости.

Лерина остановка. Пора выходить. Пора. Все взбрыки, жалобы на плохие условия, чаяния на что-то иное лишь ненадолго отсрочили теперешний знаменательный момент — Лера идет на работу, настоящую, приближается к ней. Тут даже некая черта, что-то вроде клеймления или потери невинности. Если первые опыты — ерунда, понарошку, Лера ведь и сама не верила, что, допустим, останется в этом цветочном ларьке, сидела там, чтобы родителям показать — вот, пытаюсь работать, копила аргументы против: и туалета нет, и телефона с сигнализацией — если вдруг насильники-грабители. А теперь... Теперь она и сама согласилась. Библиотека. Тишина. Книжки... Книжки она любила. Отцу пришлось постараться, чтобы ее без спецобразования сюда определить — хотя забавно, престижа ноль, минимальная зарплата, а вот в блатных теперь получилась, девушка со связями.

В общем, сегодня все не понарошку — позади суровый заградотряд: отец, которому она обязана, Франческа Львовна, директор библиотечной сети, перед которой он хлопотал за дочку, санкнижка, на которую потрачено времени и денег, — отступить нельзя. Только вперед, с остановки, путанными тенистыми дворами, через детскую площадку с желтыми цветочками и скрипом качели — и вот она, Лерина библиотека.

Крыльцо с торца жилого дома и прилепленная к этому крыльцу клумба в бетонной оправе (клумба, правда, частично обрушилась и своей неопрятностью походила больше на корыто для свиней), бетонная загородка с отверстиями в виде ромбов. Так были оформлены практически все библиотечные филиалы, все и всегда, и, естественно, от вида этого пошевеливались детские полусказочные впечатления.

Филиалы предыдущей страны, ее маленькие островки, Стоунхендж ушедшей религии самых читающих. Здесь не приживлялись пластиковые окна и жалюзи, а единственно лишь вгрызлась в стену над входом, как белая вошь с красным глазком, современная сигнализация. Лера вошла.

Помещение ее напугало, казалось, что сюда свезли всю старую мебель, какая есть в городе, все, на чем вздулась, выцвела и полопалась полировка. Сразу же бросился в нос удушливый запах, никак не определяемый. Знакомый... Прение. Прение книг под переплетами, прение полок, стоящих близко друг к другу, прение цветов, бесконечного моря цветов, которые уже не украшали, а оккупировали библиотеку, душили, как сорняки неухоженную грядку. Прение земли в их горшках.

Дорожка от входа была протерта наподобие лыжни — две полосы тянулись метра на четыре, через прихожую, плавно выворачивая к столу для записи. Минут пятнадцать спустя Лере откроется секрет лыжни, с приходом первой старушки — та ровнехонько прошаркает слабыми ногами по этой траектории. Да. Судя по всему, старушек тут водилось в избытке.

Заведующая оказалась неприятной. Обесцвечена перекистью, глаза почти молочного цвета с точечкой-зрачком, рот тонкий и подрагивающий — не знаешь, то ли скри-

вит его в презрительной ухмылке, а то ли и ядом плюнет. На белого угря похожа, которого солнечный свет в библиотечных этих глубинах не касался и цветом никаким не раскрасил. А на шее под линией подбородка два симметричных шрама — жабры жабрами. Было видно, что она страшно гордится тем, как ровненько развешаны ужасные сиреневые шторы, бросающие ей на лицо трупный оттенок, как комично-услужливо веером разложены журналы на низком квадратном столике. Во взгляде — и кто ты такая? Я вот тут все украшаю, лелею, а ты кто? И цветы, цветы — она беспрестанно поливала тучные, с жирным лоском на мясистых лопухах кущи. За этим занятием Лера ее и встретила.

— Добрый день. Я по поводу работы. Франческа Львовна звонила вам?

Заведующая-угорь выплыла из своего растительного логова, поправила прическу.

— Здравствуйте, да, я в курсе. Тогда начнем с изучения отделов.

Без прелюдий Лере вручили том в шесть-семь Лериных пальцев толщиной и грозной надписью ББК — библиотечно-библиографическая классификация. Лера медленно отворила крышку дерматинового переплета.

Эта Книга Книг имела и не менее грозную предысторию. На самом деле истинный ее объем укладывался в тридцать томов, и в 1960 году ее выпустили тиражом в один экземпляр — чтоб было. А для прикладного пользования напечатали вот такой сокращенный вариант. Но тяжесть всех тридцати словно бы оставила в нем свой вес. Словно бы присутствие той, главной, угнездившейся где-то в столичных архивах, ощущалось на этих страницах.

Лера пыталась читать. Занудное описание, хаос — сотня отделов, классификаций, подотделов. Все мелким шрифтом. Глаза спешат за буквами-муравьями, а те врассыпную. Смысл ускользает, ускользает, ныряет в ближайшую ссылку сквозь толщу страниц, а оттуда в ссылку на ссылку... Тогда Лера принялась выписывать номера отделов, классы, шифры: три техника, семьдесят пять спорт, но исписав лист до конца, сдалась — решила на практике себя проверять. Пошла к картотеке, потом к стеллажам. Лере все сильнее начинало казаться, что библиотека — это старый, самый первый в мире компьютер, механический, шелестящий, с миллионом закладок и файлов — книг, страничек; с гигабайтами информации, где люди — курсоры, мышинные клики, в хитрозадуманной, обязательно что-то означающей циркуляции книг по полкам. А ББК — самая матрица, программа, которая всем здесь заправляет. И конечно же, книги она не ценила. Ценила бумажные единицы. Поэтому самый интересный отдел, и он же самый грустный — «Художественная литература». Лера вела пальцем по картотеке... Довлатов, Донцова, Достоевский и еще какой-то акын из местных — он тоже на «До» — и ББК велело им так вот сожительствовать вместе — вековать в одной камере с табличкой «До». Все одинаково ждали своего часа и по прошествии лет безжалостно удалялись, вытесненные новыми поступлениями...

Вот и сегодня в углу прихожей стояла очередная партия спеленатых в последний поход книг. Лера весь день бросала на них тревожные взгляды, еще не зная, для чего они там.

Наконец-то спросила.

— Эти-то? На сожжение, — подтвердила ее опасения заведующая.

— Но там же совсем целые есть...

— Ну может, в архивах пролежали. Мы списываем по дате издания. Нет сейчас места для хранения даже в центральной.

Наверное, беда Лерина в том, что она относилась к книгам как к живым. Под прищелчком ББК они медленно переминались в своей очереди на сожжение, стонали,

интеллигентно покашливали, опасно на ББК озирались. Охал Волошин в потрепанном сюртуке — слишком потрепан, того и гляди, возьмут на заметку, по-хозяйски цветастым боком пихался Стогофф, Устинова — им пока нечего бояться, они на коне, в пахнувшей еще типографией обложке, со свежим годом издания.

Живые. Со своими характерами, симпатичные и не очень. Наверное, Лера перечитала сказок Андерсена... Но и сам Андерсен стоял тут же и вздыхал. И Лера с грустью подумала, что со временем — поработает она библиотекарем месяц-другой — стихнут их голоса, превратятся они и для нее в бумажные единицы. И перестанет она замечать, как новые издания, в основном детективы и женские романы, вытесняют старые и как библиотека превращается в ларек.

Где-то к вечеру случилась первая стычка с заведующей. Из-за Пауло Коэльо. Вернули книжку, Лера записала читателя и направилась с книгой к разделу художественной литературы.

— Куда? Куда? — встала грудью заведующая в проходе между стеллажами.

— Что куда?

— Куда ты хочешь поставить эту книгу?

— Сюда. Художка. — Лера искоса глянула в свой список, который носила с собой. — восемьдесят четвертый отдел.

— Это раздел духовная литература. Ты книгу-то не читала? Прочти, мои дочери мне сказали, что нашли там для себя много мудрого, — отрывисто и назидательно сказала заведующая.

— Это духовная литература?! — Лера не сдержала усмешку. — Вы ошибаетесь, восемьдесят четвертый отдел. Художка. И не самая лучшая.

И тут на заведующую снизошел дух. Еще младожавое и даже чем-то привлекательное лицо трансформировалось. Смешно выпучились глаза, вены на лбу вздулись. Раздался оглушительный крик.

— Ты еще ничего не понимаешь в книгах! Это книга о духе, о... Я работаю давно, двадцать лет, я знаю, в какой отдел ее ставить! — захлебывалась заведующая.

Лера обмерла, заворуженно смотрела на диковинную сюрреалистическую картинку: как это вдруг в один момент переменялось лицо, заходили жилы и даже жабры, казалось, заработали, захлопали. Заведующая выхватила книгу и, оттолкнув Леру с дороги, двинулась к заветной духовной полке.

— Это, по-моему, ваше личное мнение, — только и сказала Лера вдогонку, потирая плечо. Смеяться или психовать? Она еще не выбрала.

— Ты будешь со мной спорить, — уже спокойно, сытым тоном победителя ответила заведующая и заботливо поставила книжку на место. — Редкие люди ее берут, очень умные, очень образованные!

Естественно, имелось в виду, что Лера в эту категорию никаким боком...

Впрочем, дальше заведующая вела себя так, будто стычки никакой и не было — ценные указания и просьбы сделать то-то и то-то звучали едва ли не ласково.

За полчаса до конца рабочего дня заведующая набирает в ведро воды, вооружается тряпками разного калибра и начинает уборку — она взяла себе еще и ставку уборщицы. Смахивает с передних углов пыль, протирает радостные листочки цветов, моет пол. Пока она гремит ведром и чавкает тряпкой, Лера тихонько идет в прихожую, садится на стоящую там скамейку и шевелит обреченную, весь день ее манившую стопку книг. Астафьев, Ремарк, Зоценко. Озираясь на заведующую, которая кряхтит, елозя тряпкой между стеллажами — зад в джинсовых штанах ходит маятником в узком проходе, цепляясь за книжные переплеты, — озираясь, Лера выцарапывает из связан-

ной стопки приглянувшиеся книги и откладывает рядом на скамью. Раскрыла одну, как будто буханку преломила — переплет развалился, и половинки держатся на ветхой тряпочке корешка. Пошелестела страничками — вот фантик из фольги, тщательно разглаженный плоскостью ногтя, разглаженный в далеком 1989-м, если верить последней записи — кто-то читал и остановился тут, на второй трети, дальше не пошел. Оставил свой флаг. А Лера меж тем еще и не родилась...

Раскрыла другую. На титульном выведено чернилами наискось: «Дорогому Алешеньке в день двенадцатилетия от бабушки. Будь умным, добрым и смелым мальчиком». У Леры даже мурашки побежали по спине... Книга хорошо сохранилась, ее мало читали. И помнит ли Алешенька о бабушке, оставшейся только тут, под затхлостью плотного переплета, расплывшейся бледно-лиловыми чернилами по желтой сухой бумаге, похожей на старческую кожу?..

Лера прячет добытые книги под скамью.

— На фига тебе это старье?

Все-таки увидела. Из весьма странной позы. Заведующая схлопнулась с завидной для ее возраста ловкостью пополам и трет ножку стула, меж тем голова ее выглядит между собственных ног, и заведующая смотрит на Леру и говорит с ней из-под собственного зада.

— Все выкидывают, а ты гребешь.

— Я такое читаю, — отчетливо отвечает Лера. Она поджимает губы, чтобы не рассмеяться — что за картина! — с раскрасневшимся налитым лицом, с задранной задом, в позе самой старательной технички заведующая остервенело трет ножку стула, не видя, как ее туфли чертят каблуками на желтом линолеуме жирные черные полосы.

— Да ну, эти книги уже... ненормальные... — Заведующая разогнулась, фыркнула, убрав тыльной стороной мокрой руки налипшие на вспотевший лоб желтые сосульки. — Грязь только разносить, я дома всю пылюку повыбрасывала.

Она чистюуля. Но Лера смотрит на черные жирные полосы...

Домой Лера шла натяжеле. Перед собой в пакете несла стопку книг, протыкающих углами целлофан. И шептала в пакет, когда он грозился порваться и просыпать содержимое:

— Ну-ну, мои хорошие, скоро придем, не беспокойтесь, я вас никому не отдам.

А ночью Лера была в гостях у ББК Или у заведующей... Или у ББК, которая выглядела как заведующая, только толще. Они сидели за столом и пили чай с шоколадками. На плоскости стола была нарисована закрытая книга, и Лере надо было делать вид, что она ее открыла, перелистывает и внимательно читает. Она даже старательно шевелит губами, словно заучивая несуществующий отрывок, но...

— Таким, как вы, никогда не хватает ума и образования... — наконец произносит тетка.

Возмущенная Лера поднимает голову, а тетке только того и надо — она расправила огромную серую влажную тряпку, накидывает ее Лере на лицо и душит...

Утром Лера не смогла сразу встать, слабость, температура поднялась до тридцати восьми. Отец только махнул рукой: «Все не слава богу! Не срачка, так болячка! Поработала». Махнул и ушел на службу. А мама вызвала участкового врача и вскипятила чайник. И вот оставшись одна в своей комнате, Лера поставила остывать дымящуюся кружку с чаем на подоконнике, вытянула пакет с книгами из-под кровати и стала расставлять их на книжной полке. Места там было еще достаточно.

МОСКВЫ НЕТ

Правдивая повесть, полная грустного волшебства

1. Настоящая кабарга

Даша сошла с ума. Да, так она и прочитала — в киоске «Союзпечать» были выставлены газеты с программой на новую неделю. На первой полосе жирный заголовок, буквы перекошенные — экзотический шрифт с левым наклоном. Десять газет за стеклом выставлено, десять заголовков, кричащих о ее сумасшествии.

«Знак», — подумала Даша.

Она и правда свихнулась, и мир преобразился. Но при этом остался при ней кто-то здоровый, ухмыляющийся, констатирующий. Он вздыхал в лицо преобразенному миру — мда-а-а...

Мда, в этот день Даша безнадежно поломалась. Вот если встретить ее, сразу видно — поломалась. И дальнейшее ее дление просто бюрократическая провололочка.

А утро, как говорится, не предвещало ничего неожиданного и predeterminedенно. Даша проснулась в своей постели под толстым одеялом, проснулась с наушниками в ушах. На груди, поверх одеяла лежало радио, в ушах играло радио, волна «Наше радио».

Мать ушла на работу. Сожитель, или как назвать? — человек, которому они сдавали комнату, чистил картошку на кухне. Ну да — жил ведь с ними, значит, сожитель. Протопав в туалет, Даша махнула ему рукой.

Молчун. Деревенский. Приехал учиться. Друзей еще не нажил, сожитель идеальный — тише воды, ниже травы.

Но выпить, конечно, не промах. А выпив, открывал свой молчаливый рот. Все ахал, в парке был — видел настоящего уличного художника, который тебя за четыреста рэ рисует, в музее был краеведческом — видел настоящее чучело настоящей кабарги — у нее зубы как у саблезубого тигра, посмотришь на зубы — тигр, а вообще, олень оленем. Был в супермаркете, ехал на самом настоящем эскалаторе до второго этажа, и там, на втором, продавали настоящие водные мотоциклы.

— Дома есть «Урал», — говорит сожитель, — когда после дождя дорогу разворотит грузовиками, грязь, лывы. Как выкрутишь газюлю, и туда на всей скорости, мотик жопой юлит, на дыбки встает, по шену в грязи, но зато весело и бодро. Живу. Осяза-а-ю! Ну а водный мотоцикл, думаю, ощущения — шик, шик, точно не хуже.

Пили вместе, но ничего более. Даша и не была красива. Плечистая, толстолобая, кость в нее вбита широкая и квадратная, как брус — не всяким браслетом запястья перехватишь. А с некоторых пор, как не получила вызов в московский вуз, перестала за собой ухаживать и вовсе толстеть начала.

— Вова, — звали сожителя, — ты так восторжен, как будто не в запинду нашу приехал, а в Москву, как будто не в музей наш, а в Третьяковку ходил. Ептить, это ж где?! Где нужно жить, чтоб наша запинда вам ну как Москва показалась?!

— Ну, — Вова смущенно лыбится, крутя в пальцах стопку, — так уж вот...

— А-а, Вовча! Признавайся! У вас там в окнах вместо стекол бычьи пузыри, поди, а? — и нараспев: — Сквозь узкое оконце... пробивался тусклый дневной свет...

— Ну брось, Дарья.

— Хха, Вовыч, а презики есть у вас, ну презики? Или че? Опять бычий пузырь? Хххаха! Универсальное средство!

Гоготнула еще. Вова налил в стопки.

— Ну давай, Вова, давай, твоя мечта сбылась, пусть и моя сбудется.

Выпила, поморщилась, потыкалась вилочкой в холодные слипшиеся макароны.

— А у тебя мечта в Москву, что ли?

— Вовча, да ты, блин, психолог. Психолох. Да, Вова, Москва, звонят колокола.

Участь моя такая, судьба. Вот какая у меня фамилия?

— Кольцова, — сквозь дырки в непрожеванных макаронах говорит сожитель.

— Воот! Ответ правильный, будет тебе красный диплом в твоём селпо. А кольца? Кольца есть? — и пеньками-пальцами поигрывает у его носа.

— Укм... — Вова отрицательно мотает головой.

— Точно! Ну не налазят на меня кольца, Вова, одно мне только впору — Са-до-во-е.

Но это было не сегодня, а, допустим, вчера, а сегодня Вова ловко и звонко гулял ножичком по картохе, и длинные спиральки кожуры тянулись и падали в помойное ведро. Договор у них: можешь пользоваться хозяйскими картошкой и луком, ну чур уж приготовить на всех.

Даша махнула ему, прошла в туалет — не вынимая из ушей радио. И там, на унита-зе, как это часто бывает, все и открылось ей в новом свете. Вышла она из сортира, как из портала — чужая даже себе и не пойми в чей мир.

На газовой плите меж тем уже шкварчит.

— Кушать будешь? Еще минут десять, и океюшки.

Кольцова пошла на звук, встала в проходе. И не родная кухня будто, а ростовая картина перед ней, а дверные косяки ну вроде как рама этой картины. Посмотрела на пластмассовый плафон в точках от мух. На вилку, которая с лязгом отдира-ла от сковороды пригоревшие куски картошки. На железный скворечник газовой колонки. Стыки стен и потолка, две трубы отопления — уверенными, но нарочито неровными, пьяными линиями проведены. Краски: грязно-желтая и охра. Кольцова опер-лась на раму картины и неохотно обмакнула в нее лицо.

— Ты кто и зачем? — спросила.

— Я? — рябое лицо сожителя обернулось и стало грустным. — Я... Вова, студент... Живу... Кушать-то будешь?

Рябое, как будто тоже мухами засиженное.

— Это... все... очень сложно... — пробурчала Даша и побрела прочь, одеваться, и уже совсем под нос: — Приличного человека Вовой не назовут...

И вот вышла она из подъезда, и перехватилось в ней дыхание — вокруг Москва!

2. Любовь и голуби

И не то чтобы прям Москва и Кремль, а так, типа Бутырского района — вроде и пятиэтажки, и тесные «Пятерочки» в них. А через дорогу ржавые гаражи, и за ними бомжики гнездо свили из старых кресел и кустов. Такое вроде родное все провинциальному зрению, но дух, смесь дегтя, гари, шаурмы, мммм, у Дашки мурашки! Каждый шаг ну как по минному полю, где, кроме злых мин, еще и добрые есть — взорвать тебя могут пузырьками шампанского, поцелуем малознакомца и брызгами цвета в ночных витринах. Даша сдернула наушники, чтобы вдохнуть в себя Москву и ушами тоже. А наполнившись, ей хотелось лопнуть и всякого обрызгать своим счастьем.

— Доброй трапезы, вам, свободолюбивый люд! — откланялась бомжикам Даша.

— И тебе попутного ветра! — ответствовали бомжи, покачиваясь в своих креслах и постукивая о подлокотники мундштуками.

И пошла Даша дальше не спеша — страшен Даше шаг. Куда идет — не знает, все по наитию. Миновала гаражи, за ними мусорные контейнеры, видит, там голубь трепыхается — на шею намотался пакет. Сунул голову в ручку от пакета и накрутил ее себе на шею — в длинный тугой жгут скрутил, как удавку.

Даша к нему, а он отбежит — упадет, отбежит — упадет. Но потом уже лег и моргает.
— Че, где мозг-то в тебе, суицидная птица... — приговаривает Даша.

Размотала, освободила и швырь в небо.

Не то чтоб голубь патетично растворился в небесах, нет, ему было еще паршиво, он вспорхнул на ближайший гараж, и то в основном за счет заданного ускорения, но: «Брррррр, кайф-то какой, — Даша гоготнула и стала танцевать, — я голубиный супермен! Я повелитель жизни! Лети, сизарь, лети, неси весточку на малую родину».

Однако недолго танцевала, споткнулась о торчащую из сухой травы железяку. Упала аккуратненько, без ущерба, как колобок перекадилась, но перекадилась прямо в грязную колею — ладошками, лицом. Поухала, попыхтела, грязь на себе порастерла, давай проверять, обо что споткнулась, а это валяется в траве полутораметровой обрезок арматуры.

«Та-а-ак... погодите, — говорит себе Даша, — а ведь это знаки, это все были знаки».

Берет Даша арматуру, встает, опираясь на нее, словно на посох, да потом как хватит оземь.

— Вот изношу тебя да хлебов железных изглодаю, и будет мне тридевятое царство — ептель — государство!

Голубь одобритительно сморгнул.

3. Занимался день

Солнце стало припекать — бабье лето. Даша шла до ближайших хлебов железных. Только теперь она осознала, что одета не вполне по сезону — в черный бесформенный пухан, утерла пот с широкого лба, размазав еще немного грязи. Но не бросишь же пухан, вокруг Москва, чужой город, скоро холода, надо просто обождать.

Перещупала карманы, там карта, и откуда-то из дымки прошлой жизни выплыло воспоминание, да, на карту эту пособие по безработице капало, тыща пятьсот рубликов в месяц, Даша не тратила специально для такого вот дня. Занимательного дня... Еще нашла зажигалку и деревянный мундштук, покрутила его, попробовала на зуб — мундштук вкусный. А телефона вот не нашла...

Навстречу продуктовый павильончик.

— Кудыть с холодным оружием! — взвизгнула продавщица.

Даша опешила, проглотив обычное свое приветствие.

— Да это посох!

— Вы хромая? — Даша отрицательно мотнула головой. — Тогда за дверь его, с собаками и посохами — идите мимо!

Даша смиренно вынесла посох из павильона.

— Другое дело, — продавщица радушно осклабилась золотыми зубами и огладила кучерявый шар волос на голове.

— А вот мне бы хлебов железных да зелья молодецкого, ну мадеры там бутылочку, гулять так гулять.

— У-у, хлебов железных у нас полно, — не растерялась продавщица и сгребла с прилавка все позавчерашние пирожки-беляшки, — а мадеру, не поверите, повадились португальцы скупать, тоска по родине, знаете... Полчаса как забрали всю мадеру, вот есть напиток винный в коробках за девяносто. Малинка! Сладенько, ням-ням.

- Ахм... Давайте... попробуем малинку...
- Не пожалеете, три хватит?
- Вы, однако, мадам...
- Она легонькая, пятнадцать оборотов всего, — мадам продавец подмигнула со знанием вопроса, пропикала коробки и в пакет их.
- Да, еще... «Житан брюн» без фильтра, если можно.
- Тхре дезоли мэс селемон пхрима, — не дрогнув, ответствовала мадам продавец.
- Ч... что, простите?
- Без фильтру только «Пхрима» и «Астрха». Обе пробивать?
- Вышла Даша с огромным пакетом дешевого бухла и старых пирожков, почесала затылок.
- Едрить, что это было вообще, а? А дальше что?
- Москва не ответила.
- Нахмурилась Даша, поиграла бровями, словно бы помогая мозговым извилинам шевелиться. Занесла указательный перст.
- Надо перекурить!
- Там за павильоном, расположившись прямо на газончике, вставила «Приму» в мундштук, прикурила, закашлялась.
- И осипшим голосом:
- Знаю! Теперь знаю. Кхакхах, тьху... Сейчас будет знак...
- Вставила наушники, досчитала до трех и включила радио.
- А там Васильев поет:
- «И черный кабинет,
И ждет в стволе патрон».
- Ну спасибо тебе, Васильев, подсказал, хоть сразу в землю ложись и закапывайся.
«Так тихо, что я слышу, как идет на глубине
Вагон метро».
- И тут Даша радостно бьет себя по лбу.
- Метро-о-о!

4. На Менделеевскую

А метро все не попадалось... Даша посмотрела на табличку: улица Щетинкина. Знака она в этом никакого не узрела, ну что, ну мужик с мордой в щетине ее спасет, что ли? И про улицу такую московскую знать не слыхивала. А основные-то улицы она даже учила — откроет яндекс-карты и мысленно гуляет по Петровке, пинает желуди в останкинском парке, ловит брызги фонтанов возле Большого театра.

Тем более что и не видать никакого мужика, а навстречу идет девушка.

— Мое почтение, барышня, как пройти до ближайшей станции метро?

Девушка оторвала взгляд от телефона, красиво поворачивала глазами яблоками и ненавязчиво отшатнулась.

— Ну и ладно, и так бывает, — лязгнула посохом по брусчатке Даша, — Господь людей из праха земного лепил, это надобно принять, и уж спасибо, что из праха, а не...

А вот и мужик в щетине.

— Доброго здравьица, мусье...

— Да б..., здравьице тебе бы не помешало, — сказал мужик, толерантно поглядывая на арматурину и плавно ускоряясь на полубег.

Вздыхнула вслед и дальше пошла.

— Вот правду мне мама говорила: не спрашивай у москвича дорогу — либо совет, либо проигнорит.

Решила — сама найдет, метро не иголка, чутьем найдет, да хоть по дрожи земной, по вою поезда, по запаху! Гарь, креозот, которым пропитаны шпалы, горячий ветер, из этой волшебной смеси состоит призрачный поезд, который всегда предшествует реальному — свистящему по рельсам. Он выталкивается из тоннеля, врезается тебе в лицо и увозит твою душу мотаться по Кольцевой, и это не отпустит тебя никогда, даже если Москва отправит тебя в изгнание и кончишь ты на алтайской заимке, обложившись дичью, пихтой и возложимши на грудь банку варенья из сосновых шишек, рассуждая, мол, не люблю я Москвы, спешка, муравейник, мол, гастарбайтеры, и все крякнут и поддакнут, дааауш, а замахнем-ка лучше настоячки на кедраче, но... но ты тайно будешь искать этой музыки рельс и эскалатора ритмов, и вдруг повеет далеким ке-росиново-креозотным, и ты завертишь головой: откуда? Тихий ангел пролетел? Да, дружок, ангел Москвы.

И нашла, конечно же, на перекрестке. Дыру подземного перехода — верный признак метро. Спустилась по ступенькам.

Мама учила, что в метро надо все время вверх смотреть, там повсюду указатели — захочешь, не заблудишься. Но загвоздка: нет указателей. Собственно, даже людей нет, непопулярное метро какое-то. Только ларьки с побрякушками и газетами вдоль тоннеля. Тут-то Даша и увидела «Союзпечать» и газеты с кричащим заголовком «Даша сошла с ума».

— Мдем... это как в Москве прям — не на той остановке сошел, не в тот проулок свернул, и все ... как же теперь обратно ум найти да в него вступить?

Нырнула головой в окошко. Там старушка вяжет в уютном теплом круге настольной лампы.

— А по безналу у вас можно?

Старушка, не поднимая глаз в толстых очках:

— Можно...

— Дайте вот это вот, свежий номерок.

— Берите...

Пропикнула карточку.

— А еще... а не подскажете, где здесь переход на Менделеевскую?

Старушка отложила вязанье, медленно навела все свои многочисленные диоптрии на Дашу и, выдержав паузу, ответила:

— Нет, не подскажу.

5. Пушкинская скверна

— Ах, Александр Сергеевич, милый, ну что же вы нам ничего не сказали... Затихарились тут, — Даша распростерла объятия, насколько позволяли ее котомка и посох.

Александр Сергеевич и правда был тих и неприметен, ростом с Дашу, и постамент не выше табуретки... На фотках, прикрепленных к маркеру, на яндекс-карте выглядел он как-то помонументальней, а здесь — в темноте пройдешь, с пьяным мужиком спутаешь. Площадь вокруг него тоже стянулась в уютный кружочек с лавочками и кустами. Но это определенно был Пушкинский сквер — только карликовый, уютный. И Пушкин, простой парень Пушкин встречал тебя здесь, не грозилась тебя пятой растоптать, как каменный гость, или пожечь глаголом. Разве что на брудершафт намекал.

— Хммм, — протянула Даша, припоминая карту, — это значит, я по Тверской сюда пришла, и получается... Садовое-то в двух шагах! Благодарствую, Александр Сергеевич, за вспоможение!

Похлопала его по пузику, потом подумала, что это уж чересчур — откашлялась и поклонилась.

Решила устроить здесь привал да поглотать хлебов железных, в хорошей-то компании. Плюхнулась в середину лавочки, вынула руки из рукавов пухана, оставшись при этом в нем как в гнезде, вынула ноги свои переходящие из бот — ну будто душа, которая из спящего тела вышла поразмяться да помлеть в лучиках астрального солнышка.

В левой руке пирожок, в правой стаканчик с малиновой жидкостью — выпила, закусила.

— Брррр, что ж так хорошо — с каждым глотком все вкусней! — ммм, о-о-о, сладко мне, сладко.

Стонет Даша и головой раскачивает. Пушкин строго смотрит на Дашу. Перехватила взгляд.

— Александр Серргеич? Ах вы, плут, понимаааю, понимаю!

Берет из пакета второй стаканчик, наполняет и прям босиком шлепает к постаменту.

— От наших вашим, гыгык.

И полпирожка в придачу.

Потом для пушего действия смачивает пальцы в своем стакане и окропляет Пушкину сюртук.

— Напитьсявайте, вот так, и дайте мне огня, огня!

Сбрызнула и себя. Ну вроде совсем хорошо, сейчас треснет бронза, и Сергеич залыбится.

— Во глубине сибирских руд не пропадет мой скорбный труп, — Даша грозит Пушкину пальцем, — и дум высокое сомнение...

И звонко шлепает назад.

Пиршество такое привлекло стайку голубей, все они подходят на того юного спасенного голубя и бесстрашно запрыгивают на колени и на плечи. Даша ломает им пирожки да беляшики. К слову сказать, беляшики они охотно лопают с начинкой, а вот капусту из пирожков вытряхивают.

— Где моя оливковая ветвь, праздные птицы? Где берег мой, тонкой линией?

Но голуби знай себе порхают, поднимая пыль, курлычут и кормятся уже прямо изо рта, как птенцы какой-то гигантской голубиной матки.

— Щекотно, щекотно! — гогочет Даша набитым пирожками ртом.

Самый наглый решил ограбить Пушкина, но тут...

— Кышшшш, кышшшш! — не столько прокричал, сколько прошипел кто-то.

И пернатая свора снялась с Дашиного тела и рванула в небо. Даша обернулась на звук.

— Прошу прощения, я немного наблюдала за вами, — это была милейшая дамочка ближе к пятидесяти, тонкая, шелковая, в прозрачной летящей шали, как из нее исторгнуто было столько свистящего шипения, не вполне даже и понятно, — позвольте, я присяду с краюшку тут.

Даша пребывала еще в легком смятении от этого внезапного «кышшш», а рот ее все так же был набит пирожками, поэтому она издала неопределенное «гму», и руки ее тоже изобразили что-то неопределенное, какие-то восьмерки в воздухе выписали, типа как вам заблагорассудится.

— Я заметила... вы тоже любите Пушкина! — заговорщицким тоном сказала дамочка, присев на лавочку.

— Нуумкг, — Даша уже прожевала, но решила сделать вид, что нет.

— Вот и я, — кивает радостно дамочка, — вот и я... как мимо с оказией, так обязательно, присяду тут, новости расскажу ему.

Хихикнула в сухой кулачок.

— А на днях такое учудилось, — понизив голос, продолжала дамочка, — все Пушкин да Пушкин, дай, думаю, Лермонтова почитаю, и перед сном взяла и почитала. А ночью вижу, сидит на табуретке у изголовья и молчит. Он! Ну я приободрить! Что это вы, Александр Сергеич, невесел, буйну голову повесил? А он как встрепенется да зыркнет! Ответьте, уж мало я любил да лобызал вас, моя Раиса друг Филипповна, что вы меня так предаете? И с кем? С этим выскочкой? Тут меня как громом и поразило, вот в чем дело! Бухнулась в ножки, прости, батюшка, прости, родимый, да разве ж я знала! А утром проснулась — и Лермонтова в помойку! Вот так... вот так...

Дамочка глубоко вздохнула.

— Умпф... Воистину, Александр Сергеич, каков памятник нерукотворный вышел-с...

— Именно, именно, вот мы сидим перед ним и думаем, что это он для нас памятник, а не нет... Это мы ему памятник. Я. И вы.

— Как это... глубоко... и пугающе... — выдохнула Даша.

6. Вепрево колено

Видя, что Даша сгребает скарб, вдевается обратно в свои боты, Раиса забеспокоилась.

— Ой, вы уже нас покидаете, простите за навязчивость, может, по пути?

— Я, — сказала Даша, — а я иду в общежитие заселяться, получила вызов на абитуру, во!

Даша достала приснопамятную газетку.

— Может, и по пути...

— Ах, я вам завидую, прекрасная пора, университеты... университеты... А я в редакцию. Стишат несуч. Хотите в редакцию?

«Это знак», — подумала Даша.

Редакция была большая и занимала едва ли не весь первый этаж жилого дома. Внутри — блаженная прохлада и тишина такая, что Даше неловко было посохом по полу стукнуть — держала его на весу.

И в самом дальнем тупике, после зеленого коридора, обнаружилась нужная дверь с табличкой «Редактор журнала».

Раиса бесцеремонно ее распахнула.

За столом кто-то встрепенулся раненой птицей, Даша успела заметить, как до этого он лежал, уткнувшись лбом в пачку листов А4, а теперь, когда он выпрямился, прилипший ко лбу лист плавно опал обратно на стол.

— Здраавствуйте, Андрей Борисович!

— Спасибо... и вам того же...

Андрей Борисович поморгал, пригладил волосы.

— Мда... а я вот не одна сегодня, гостью вам привела... могли бы и привстать...

Андрей Борисович на мгновение оторвался от кресла и тут же примагнитился обратно, изящно совмещая в этом перформансе кротость и протест.

— Знакомьтесь. Это...

— Даша... — сказала Даша и спрятала посох за спину.

— Она студентка и тоже любит литературу.

Андрея Борисовича обратно в кресло так и вдавило. Повисло молчание, только слышно было, как Раиса нервно постукивает своими мушинными лапками по клатчу. Молчание, молчание...

— Дашенька, да уже снимите вы свой пуховик, жарко ведь вам, — не выдержала Раиса.

Дашенька покорилась.

— Да, — очнулся под шумок и Андрей Борисович, — как это верно, как неотвратно!

Он с грохотом выдвинул столешницу, выудил оттуда широкий толстостенный стакан и бутылку коньяка. Цок-цок-цок — забулькал в длинном горлышке коньяк, отправляясь в стакан.

— Простите, но стакан у меня один!

— Фу-фу, — Раиса прикрыла шалью нос, — этот запах.

— Будете? Стакан мытый! Я еще не пил из него, — и протягивает Раисе, — помянуть Загорульку...

Она шарахается, как черт ладана, вскакивает со стула.

— Точно не будете? Я сейчас выпью, и он станет немывтым!

— Спасибо, Андрей Борисович, — продолжая зажимать нос, говорит Раиса, — но я пойду, пожалуй. Даша, вы со мной? Нет? Ну всего вам доброго и будьте осторожны! Стишат я оставила, Андрей Борисович, не забудьте, и вам тоже всего доброго.

И вот ее уже нет, похоже, и сам Андрей Борисович не ожидал настолько ошеломляющего эффекта и, с некоторым восхищением покрутив в стакане янтарную жидкость, неспешно влил в себя.

Стукнул стаканом по столу и изрек:

— «Вепрево колено».

7. Участковый Вельзевул

Бутылка уполовинилась. Даша пила то коньяк, из дружелюбно подставленного ей второго стакана, появившегося из той же столешницы, то свою красную жижицу. Беяши и тут пригодились.

— А с коленом такая вот история получается, — отвечив на ее вопрос Андрей Борисович, — неправильно он готовил это колено, жирок-то внутри под корочкой должен был запечататься, а он его на противень вытопил... Каков поэт, таков и кулинар, прости Господи... Но суть в другом.

Борисович сдвинул брови.

— Я... Я готовил это «Вепрево колено», уж шибко литературно оно называется, как сдержаться. Приготовил, румяно, обло, сверху будто карамельная корочка, ну как на штруделе... вилочкой — дзынь, дзынь — разбивается. А оттуда сок, сок!

Андрей Борисович аж глаза промокнул рукавом.

— Ептьиль-моптьиль, — сглотнула Даша и с сожалением посмотрела на свой задуbevший беяш.

— Да! Можно ли помыслить, чтоб такое и не сфоткать? Я и сфоткал. И в вэкашку выложил на стену. Фотка еще вкусней получилась! И этот х..., прости Господи, Загорулька лайк поставил, а потом в личке рецепт спросил, в гугл же мы, поэты, не ходоки... Нам с Мельпомены слазить... да с Парнасу... Теперь ты понимаешь, к чему я веду?

Он впился в Дашу взглядом.

— Вы... убили Загорульку! — восторженно прошептала Даша.

— Да... хорошим вкусом, добрым нравом, кулинарным талантом... Теперь ты знаешь мою страшную тайну.

Андрей Борисович допил стакан, тут же наполнил и подпер голову рукой, запустив пятерню во взлохмаченные волосы.

— Так если б это единожды... Не-е... Кинешь донат знакомой на операцию у нейрохирурга, так она теперь после операции только на четвереньках и ходит. Поможешь знакомому колесо перебортировать — вечером в сосну врежется, прощай бампер. А уж скольких я осчастливил, не зная последствий? Дал третьего дня старушке на хлеб — а она, может, корочкой подавилась? А? Или мост сломала, ну зубной, который как три ее пенсии стоит? Каково?

Андрей Борисович патетично вскинулся своим упитанным пономарским телом, офисное кресло откатилось, ударилось в стену, распахнул с треском старые рамы, уселся на подоконник, небрежно поставив ногу на батарею. Теперь он был весь красиво обрисован близящимся к закату солнышком.

Даша заворуженно открыла рот.

И закурил, достав зубами сигарету из хрустящей пачки. Пронизанное лучами облако окутало его профиль.

— Я уж подумывать стал: а не князь ли я мира сего? Ну сего, не всего, конечно, но так, областной, региональный какой-нибудь дьявол, может, районный. Участковый! Хорошо звучит! Участковый Вельзевул!

— Чрезвычайно звучит! Почти как шестикрылый серафим... — Даша проследила за тремя кольцами дыма, разбившимися о раму, — а можно я тоже...

Андрей Борисович поманил ее пачкой.

— Присоединяйся, только туда не дуй. — Он показал на датчик в середине потолка.

Даша вытащила мундштук из пуховика, висевшего на спинке стула, и тоже забралась на подоконник. Теперь они оба сидели на подоконнике, свесив ножки, и дули дымом в оконную решетку. Подоконник был глубокий, просторный, как во всяком старом кирпичном доме.

— Право, не тем я занимаюсь, что это вообще, старые девы-пушкинистки, пионэры с фэнтезийными романами... Потому и каждый их памфлет вызывает во мне бездну страданий! Я душами банчить должен! Сомневаешься? Думаешь, не гожусь я в дьяволы? Да что тут думать! Даже жена моя, плоть от плоти, после развода лесбиянкой сделалась. Это же какая сила ада в том браке разыгралась!

— Лесбиянкой? Да вы суший дьявол, мессир! Больше не нужно аргументов.

— Одного в толк не возьму: откуда доброты во мне, во дьявольском отродье? Я даже нож лижу специально, чтоб злее быть и никому не подавать. И опять же получается, не подавать, чтоб вреда не принести. Выходит, и зло мое из доброты произрастает!

— Не переживайте. Это не доброта. Это великодушие.

Андрей Борисович встрепенулся, посмотрел на Дашу, словно впервые ее увидел, за все время беседы, разогнал рукой дым между их лицами.

— Какая же вы умница. Какое верное замечательное слово. Великодушие.

И беззащитно как-то заулыбался. И благодарно еще.

— А поцелуйте меня, душу за поцелуй, а? — выпалила Даша.

Тут Андрей Борисович нахмурился, с сомнением окинул ее взглядом, но отказывать страждущим он не умел.

— Зачем же обязательно целоваться? Ты видела, как это делают тюлени?

— Хорошо сравненьице, гыгык!

— Они открывают пасти, словно хватая радость, растворенную в воздухе. Похрюкивают от удовольствия...

- Бож ты мой!
- И трутся при этом лицами! Вот так, — Андрей Борисович показал.
- Ахах, щетина...
- Тюлени в нее просто завернуты до хвоста!
- Ты был на севере, с тюленями? Ахах.
- На ютубе я был! Зачем ты разговариваешь, лови радость ртом!

8. Москвы нет

И бутылки как не бывало.

Даша сидела теперь рядом, за столом.

— Ну, и что ты мне показываешь? — Андрей Борисович тербит газетку. — Даша сошла с ума... На днях Дарья Донцова завела еще одного мопса... при том, что у нее... что это за ахинея? Тэвэпрограмма... вульгарщина какая-то...

— Это знак, — Даша отнимает газету и складывает в свой изрядно похудевший пакет. Движения ее отрывистые, пьяные. И сама покачивается.

— Знак чего?

— Заселяться я иду. В общежитие... чего-чего... вызов мой на абитуру. Я даже не против, чтобы вы меня проводили, вот чего. Дорогу я не очень знаю.

— Эммм... поздравляю, и какая улица тебе нужна?

— А Добролюбова нам нужна.

— Хм-хм, впервые слышу, — он открывает Интернет на компе и лезет в яндекс-карты.

— Самая обычная улица... Вы, сударь, как неродной. Не москвич, что ли? — и толкает ощутимо так Андрея Борисовича в плечо.

Андрей Борисович поворачивает к ней изумленное лицо.

— Что? Я слишком фамильярна? Простите-простите! — и наигранно стряхивает с его плеча пыль.

— Ахм...

— Ой, у вас чей-то волос тут, — она продолжает исследовать рукав Андрея Борисовича.

— Ты в Москве, что ли?

— А ты? В Северомуйске?

— А я... практически да.

— Очень жаль, — Даша отлипла от его плеча и хлебнула из коробки, — как московский редактор вы смотрелись гораздо выгодней.

— Да разуй глаза, отроковица, мы посереде страны, прямо промеж булок. Нет у нас Добролюбова! Я тебе больше скажу, никакой Москвы нет! Проверено. Может, и была раньше, да вся испарилась. Минуту...

Андрей Борисович шуршит бумажками в очередной столешнице и выхватывает оттуда большой конверт от ценного письма.

— Вот изволь, что тут написано? Я же писатель, я в редакцию журнала «Знамя» повесть отправлял. Марочки эти слюнявил. Феноменально, да, они до сих пор бумажный вариант требуют. Город Москва, видишь? Воротниковский переулок. А тут что написано?

— Указанного адреса не существует... — прочитала Даша размашистую надпись через весь конверт.

— Не существует... Вернулось через месяц... В какой бездне плавало это письмо, за каким краем галактики... Нот экзист, и точка!

— А я упорный, вот еще, — опять перед Дашиным носом появляется конверт, — на электронку-то они вообще не отвечают, сплошная бутафо...

Даша с силой оттолкнула руку с конвертом и вскочила со стула.

— Отойди от меня, сатана! — грозно сказала она.

Взгляд ее горел. Гневом, отчаянием. Андрей Борисович не ожидал такого поворота — он опешил. Даша сгребла пакет, потом пухан, потом свою железяку. И пятится к двери.

— Отойди!

Андрей Борисович, собственно, и не вставал из-за стола — получить арматуриной по голове ему явно не хотелось. Но и отпускать Дашу было непокойно на душе.

— Куда? Куда ты собралась? На Добролюбова? Нормально же сидели... — Андрей Борисович примирительно взмахнул руками, — пусть, пусть будет Москва. Я — Чупринин Сергей Иванович. Редактор авторитетного толстого журнала «Знамя». Приятно познакомиться. Хотите публикацию?

Даша выставила арматурину вперед, сейчас она была похожа на спартанского го-плита, и рука ее была под стать крепка.

— Тебе меня не заморочить! Участковый Вель-зе-вул.

— Да какой я Вельзевул, пффф, Чупринин я.

— А перекрестись.

— Да я член Союза писателей!

— Вот!

И выскочила прочь.

9. Собачка

Даша бежала. Пухан, пакет, посох — все это поочередно выскальзывало из рук, она пыхтела, наклонялась, подбирала скользкий непослушный скарб, давая себе секундную передышку, и бежала опять. Все по какому-то бесконечному проспекту...

Что-то испортилось при последнем разговоре. Словно открылась вторая пара глаз, и эта вторая Даша с открывшимися глазами вздыхала в лицо преображенному миру — мда-а-а...

И Москва почуяла неладное. Дашин страх, Дашины прятки, Дашино сомнение. Чужака.

Дальше на проспекте оставаться было опасно. Невидимое, расправившее огромные невидимые крыла, несло вдоль проспекта, приближаясь.

Даша нырнула во двор, в глубину заросшей все еще зелеными ильмами детской площадки. Села там на качельку и горько заплакала.

Подошла собачка грязно-рыжей масти и стала слизывать слезы со щек и рук, которыми Даша придерживала голову. Даша поначалу отпрянула, а увидев рыжую морду, уткнулась собаке в шею и разревелась уже не на шутку.

— Надо заселиться. Надо срочно заселиться... Мне нужно успеть к коменданту... оформить регистрацию, — бормотала она в собачью шкуру, — почему я плачу?

Все это время собачка терпеливо стояла и пыталась лизнуть ее в шею.

— Уфффф... — Даша отлипла от собачки, бросила ей пирога, но собачка словно и не заметила, смотрела прямо в глаза.

— Нет? Ишь какова аристократка... А так?

Слабо улыбнулась и протянула кусочек в руке. Собака помешкала, несколько раз ее взгляд перескочил с опухшего от слез Дашиного лица на пирог и обратно. А потом приняла угощение.

— Сейчас... и Добролюбова найдем... и коменданта... и тогда она успокоится...

Во рту пересохло, но воды не было, а только малиновая жижица. Даша со щелчком скрутила с непечатой коробки крышку и промочила рот. Прежнее благодушие начинало возвращаться.

— Духовной жаждою томим, гыгык, не зря же я, Александр Сергеич, по литературе девятнадцатого века-то готовилась, а?

Но тут тень закрыла солнце, и вокруг Даши, по всей детской площадке, поднялся вихрь, подхватил волну песка из песочницы, опавшую листву, пустые пакеты.

— Отстань, отстань же! — взвизгнула Даша в небо.

Там не было ничего, но лишь тяжелое гудение вздымающихся крыльев, хлопанье невидимого красного плаща, шелест кольчуги. Преодолевая потоки воздуха, Даша метнулась обратно к проспекту, пересекла его, не обращая внимания на сигналы автомобилей. Собачка следом.

По автомобильной дорожке, мимо припаркованной у приемного покоя «Скорой помощи», мимо удивленного водителя с сигареткой, прилипшей к губе. Парк между зданиями. Опять волна ветра размела перед Дашей ковер из листвы. Впереди четырехэтажное здание из красного кирпича с двойной дверью посередине.

— Кыш! Отстань!

Бабушки на скамейке решили, что она это кричит собачке, бегущей по пятам.

Даша с усилием отворила дверь на толстенной тугой пружине и нырнула внутрь. Собачка осталась снаружи.

Осмотрелась — регистратура, гардероб, еще старушки. Сама чумазая, с безумно выпученными глазами. Толстенный пуховик нараспашку, арматурина.

И махнула по широкой парадной лестнице наверх, с глаз долой. Но и на втором слышны голоса и топот, и на третьем. А на четвертом она увидела открытый чердачный люк.

10. Изгнание

— Мамочка! — с наглым криком очнулась Даша.

Рыдания скручивали ей горло.

— Зачем ты меня оставляешь?

В ответ — скрипуче хлопают голубиные крылья. Полная темнота вокруг.

Даша хотела вскочить, но тут же упала обратно в невидимую мягкую пыль и голубиный помет от острой боли в правом бедре. Попыталась встать хотя бы на четвереньки и пощупать пространство впереди себя. Она была чрезвычайно пьяна, настолько, что даже не понимала, почему ее затягивает во вращающуюся черную воронку, почему она раз за разом падает лицом в душное месиво, захлебывается, плещется в нем. Почему нечем дышать. И действительно ли она так пьяна, или тут что-то большее... Эти пыль, и помет, и хлопки крыльев были продолжением тьмы, которая вращала ее в себе, как в стиральной машине, а Даша была безотчетным сгустком жизни из одних бесполезных рефлексов и спазмов утопающего. И вдруг рука наткнулась на знакомый железный рубчик посоха. Даша вцепилась в него, в единственную реальность, в край бездны, у которой обнаружился край. Стало полегче, вращение замедлилось. Вспомнилось — где-то здесь должен быть светящийся квадрат люка, но была только темнота. Она ползала кругами, стукнувшись лбом обо все возможные балки. Даже если люк был здесь — теперь он определенно заперт. Даша хныкала, роняя слезы в пыль, терла сопли рукавом и прятала лицо от вспархивающих в темноте голубей. Москва оставила ее даже на этом чердаке, последнем московском убежище.

— Еще и замуровали-и-и...

А этот сон... Да и не сон, она просто забилась в самый темный угол — а тогда еще было светло — самого своего тридевятого, как она думала, царства. И сидела тихонько, потягивая малиновую жидкость из коробки. Она знала, что Москва все еще идет по следу, ищет ее в себе, и если найдет, то исторгнет, и не только... Вынесет приговор.

Так и случилось. Вдруг волна темноты накрыла чердак. Даша даже не заметила ее прихода, она запрокинула тетрапак и пила, а когда убрала его от лица, то было уже темно.

Даша нервно мяла тетрапак. Что-то там, напротив нее, определенно было, смотрело в упор — приговор уже начался.

— Кто тут прячется? — сказала она севшим от страха голосом, — а ну выходи. Встань передо мной, как лист перед травой.

И после долгого молчания из черноты по очереди выступали трое.

Сначала Посох.

— Я посох, ты обещала сносить меня и не сносила, вот и не найди тебе твоего царства. Ты меня не сносила, да я тебя сносил.

Следом выплыл силуэт недавней собачки.

— Я мама, я обещала беречь тебя, но даже себя не уберегла, через полгода я умерла. Тебя все чаще забирали в психиатрическую лечебницу. Жилец обманом получил нашу квартиру.

И голубь...

— Я птица, ты дала мне жизнь, а я забрал твою из старого неотопливаемого барака... из замерзшего тела. И я летел, летел... но не нашел Москвы даже на небесах...

Даша схватилась за голову и что есть силы зажмурилась. Голоса приблизились, закружили.

— Я уже видел твой конец. И я прибуду с тобой. Умножая умножу скорбь твою...

— Ты не увидишь моего конца... Может, и к лучшему...

— Конца нет, но нет и утешения, кроме...

— Терния и волчцы произрастит она тебе! И будешь питаться полевою травой!

А когда придет снег...

— Доченька!

— Только смех... только скоморошество...

И теперь — со страшным этим приговором — она привставала на колени и между всхлипами слабо била арматуриной наугад — пыль и помет смягчали удар, и нигде не было лязга о железный люк, да и был ли он железным...

— Выпустите, ироды.

Казалось, даже надоедливое шуршание скользкой ткани пуховика громче этих ударов.

Выдохлась, завалилась на бок.

— Мамочка, мне бы просто к тебе-е-е...

И вдруг в темноте начали проступать хоть какие-то намеки, очертания, она перекатилась немного в сторону, и впереди возник квадрат окна, заслоненный до этого чердачными балками. Квадрат мало-помалу становился все светлее. Даша встала на четвереньки и поползла.

11. Домой!

Три месяца на больничной койке с разбитым тазом и шейкой бедра. Почти полгода в психлечебнице. Самая ирония в том, что она упала прямо на крыльцо город-

ского травмпункта, который находился с торца поликлиники, — сколько шуток породит эта новость. И конечно, она не была на похоронах мамы, ей рассказали о них гораздо позже.

Даша Кольцова изменилась. Раздалась вширь еще больше, несмотря на скудность казенной пайки: сказался малоподвижный образ жизни. Взгляд был мутен, жесткий непослушный волос, отросший сантиметра на три, торчал ежиком. Лицо совершенно неухожено: брови срослись, черные угри усеяли нос и широкий лоб. Под мешковатыми одежками ее подпоясал с правого бока глубокий уродливый шрам. Она громко цокала своим посохом по асфальту — теперь ей действительно приходилось на него опираться. Шла она медленно, переваливаясь, а под вторую руку ее придерживал Вова-сожитель. Он сладко шурился на солнце всем своим рябым лицом.

— Идем, Дарья, идем. Твой новый дом ждет тебя.

Даша хотела что-то сказать.

— Конечно, Москва. Мы же договаривались, — опередил Вова, — не центр, само собой, окраина. Но сейчас... ты видела, какие там цены даже на окраине? Комнатушка девять квадратов, как у нас двухкомнатная. Же-есть. А стеночки как из картона — почешешься, слышно. А тут соседей — ноль, простор у тебя будет о-го-го, с видом на степи, и личный огородик даже... правда, туалет на улице... Но зато колонка зимой не перемерзает!

— Ага... Вов... Еще бы сигаретку... вкус... вкус забылся... — язык Дашин еле шевелится.

— Не. Я ж не курю. Вкус жизни — он и так вкусный. А вот выпить имеется, — он звякнул пакетом, — новоселье отпраздновать!

— Тогда давай по глоточку... а?

— Ну что ты, ну хоть уйдем подальше.

А впереди июль. День приятный, то солнце, то облачко накатит — передохнуть даст. Отошли они подальше от центра города, прошли по железнодорожному мостику — за ним широкая грунтовая улица и частные домики.

Даша остановилась, тяжело дыша, утерла испарину — железнодорожный переход, особенно спуск по ступенькам, отнял все силы. Да и Вова пришлось потрудиться, помогая ей.

— Все, Вов... Не могу... Доставай.

— Что? — Вомино дыхание тоже сбилось, — а, понял... Что, из горла прям? Ну океюшки...

Схватила Даша за заветное горлышко, протяжным взглядом окинула небо, мясистые облака, еще раз глубоко-глубоко вздохнула и...

Сделала Даша один глоток — голубь на плечо скок!

Сделала Даша второй глоток — глядь, собачка трется у ног!

Сделала Даша третий глоток — развязался язычок!

— Ептррысть твою посередине! — и посохом оземь.

Качнулась земля!

— А вот кому хлеба железные для души полезные! — кричит продавщица с бордовым шаром волос и ослепительным блеском золотых зубов.

Впереди у нее деревянный лоток на ремне через шею — полный дымящихся беляшей.

— Мне хлебов! — откуда-то слева отвечает Андрей Борисович нараспев, как пономарь.

— Ой, и мне, и мне! — Вова отпускает Дашу, суетливо бежит к беляшам.

К шествию присоединяется парочка: Пушкин, ликом черен, потому что памятник ну и арап немного, а с ним — Раиса. Пушкин шагает, как робот, ибо памятник, а Раиса

в своих газах и шаях, щупленькая и трепетная, как повядший белый гибискус, держит его под локоток. Голубь, завидев Пушкина, сразу ему на голову скок!

— Ах Москва, ах Москва, ах звенят колокола! — ахает Раиса Филипповна, безуспешно пытаясь прогнать голубя свободной рукой.

— А по ком колокол звонит? — с прищуром вопрошает Даша.

— Тот столичный сибарит! — баритоном резюмирует Андрей Борисович.

Хор (вкрадчиво):

Труп-труп-труп,
труп-труп-труп.

Даша (ей вторит хор):

Во глубине сибирских рууууд,
во глубине
не пропадет мой скорбный трууууп,
не пропадет!
Ведь сибирская рудааа
не даст протухнуть никогдаааа!

Хор:

Эх, сибирская руда, ты в крови моей всегда.
Эх, сибирская руда...

Андрей Борисович (голосом пономаря):

И так до Страшного суда!

— Лучше б страшного туда, а красивого сюда! — выкрикивает Даша.

Труп-труп-труп,
труп-труп-труп.

Даша:

Я гряды грядой гряды,
к златоглавому граду.
Эх, гряда Саянская —
думы вольтерьянские.

— Чмоки, ребзя! — кричит мадам продавец. — А вы уже купались в этом году?

— Ну-у... я купался в поту, — вздыхает Борисович.

— А я купался... когда в казенной койке обоссался! — гогочет Даша, вслед за ней смеются все.

Вступает Раиса:

Захотелось на моря
в середине сентября.
Ты вези меня, возница, к морю краснодарскому.
А таксист привез меня к морю красноярскому!

Хор:

Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.
Буквы, буквы, всему виною буквы.

Раиса:

Ходят по морю суда да на Парнасе музы.
Суждено мне загорать во троих рейтузах!

Мадам Продавец подхватывает:

Мимо нас,
мимо нас,
мимо нас
проходит газ.
На трубу я забралась,
к херру Шольцу подалась...
а пришла, иже еси —
к товарищу Сиинии!

Хор:

Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.
Тупа, тупа, диспетчер что-то спутал.

— Вовча! Запевай!

— Дык я и так пью, — Вова смущенно прожевывает беляш.

— Ну-ну, надеюсь, частушки будут позабористей, чем эта шутка, — говорит Андрей Борисович.

— Вовча, жги, я в тебя верю!

Вова поет:

Мне сказали во ютубе:
надо жизнь свою ценить.
Каждый миг неповторимо
и осознанно прожить.
Жил в говне, живу в говне
и теперь ценю вдвойне.

Хор:

Жил в говне, живу в говне.
Каждый миг оно во мне!

Андрей Борисович (декламирует):

Ох, простое знание это осознание!

— Вовча, ты всех уделал! — смеется Даша.

Хор:

Как на наше сирано
Бержераку все равно.

Ты крути его хоть как —
Серавно Де Бержерак!

— Потому что он коньяк! — Андрей Борисович, пританцовывая, достает из кармана штанов фигурную бутылку, демонстрирует надпись: Бержерак.

Хор:

Рулька, рулька
убила Загорульку.
Угольные пыли
лягут на могиле.

Андрей Борисович (декламирует):

Прощай, невольник чести,
налейте-ка по двести!

Вова разливает водку, Андрей Борисович — коньяк. Все пьют, обнимаются. Идут и тихо поют.

— Под небом голубым есть город золотой.
— С кремлевскими курантами и красную звездой...
— Тебя там встретит огнегривый лев.
— Рррр! — говорит продавщица с бордовым шаром волос.
— Другое — вол, исполненный очей.
— Му-у! — говорит Андрей Борисович.
— С ними золотой орел небесный...
Тут уж Пушкин, как строптивый лезгинщик, вздымает крыла, едва не зашибив железным рукавом свою пассию.

И так идут они, и собачка с ними, и голубь, и медленно истаивают вдали.